

Вспоминая эту сцену, Е Эр и злился, и смеялся одновременно.

Си Цзэ улыбнулся и с любопытством спросил: — И почему же он вдруг сбежал?

— Да потому что сосед напротив приготовил тушеную свинину, и Таньюань соблазнился этим восхитительным ароматом. Он хотел выпросить кусочек, но у него был просто ужасный топографический кретинизм. Покружив какое-то время, он окончательно заблудился. Пока он блуждал, его чуть было не поймали и не стерилизовали снова.

Однако, немного поворчав, Е Эр впал в оцепенение и через некоторое время тихо произнес:

— Сейчас его приютил мой друг. Не знаю, остался ли он таким же обжорой. К счастью...

Он хотел сказать, что, к счастью, доверил Таньюаня другу. Иначе после его внезапной смерти щенок наверняка снова оказался бы на улице и был бы вынужден жалко рыться в мусорных баках в поисках еды.

Однако на него нахлынула волна такой сильной тоски, что на глаза навернулись слезы, а в носу предательски защипало.

Заметив подавленное настроение самца, Си Цзэ неуверенно протянул руку и похлопал его по плечу поверх одеяла. Он попытался утешить его, пусть и немного неуклюже: — Позже ты сможешь навещать его в любое время. Или, если хочешь, давай заберем его и будем воспитывать сами?

— Все в порядке, так даже лучше.

Е Эр моргнул, подавляя эмоции. Затем он внезапно спросил: — Кстати о «позже»... Что ты планируешь делать дальше?

Они оба негласно понимали, к чему относилось это «позже», но до сих пор сознательно избегали этой темы. Раз уж зашел разговор, не было ничего плохого в том, чтобы обсудить это.

Си Цзэ на мгновение замолчал.

— Мне действительно нужно кое-что сделать...

Бесчисленные мысли и соображения крутились в его голове. Наконец, он опустил взгляд и произнес, казалось бы, небрежно: — Возможно, сначала я смогу найти виновного, который заставил меня так сильно страдать?

— Тогда тебе лучше поскорее поправляться. — Тон Е Эра был таким естественным, словно он спрашивал, что будет на ужин. — А потом убей всех этих ублюдков.

Си Цзэ, вероятно, был шокирован его безжалостными словами. Какое-то время он хранил молчание, прежде чем с недоверием произнести: — Я думал, ты скажешь мне забыть об этом или простить, в конце концов...

Самец казался таким миролюбивым и нежным, словно мог понять и простить любые трудности и страдания, не желая быть свидетелем войн и кровопролития.

— У тебя какие-то превратные представления обо мне? — Е Эр нахмурился. — Око за око, зуб за зуб. Ты думаешь, я какой-то святой?

Отвечать на зло острым клинком, а на любовь — нежностью, таковы были его правила жизни.

Си Цзэ почти со вздохом сказал: — Ты прав.

После долгого молчания он прошептал: — Хорошо, я убью их всех, а затем заберу Господина жить на Главную Звезду, хорошо?

Казалось, в воздухе повисло что-то странное.

Е Эр отверг это предложение без малейших колебаний: — Нет. Можешь убить их, если хочешь, это твое право. Но я останусь здесь и никуда не поеду.

Он говорил с абсолютной уверенностью, не оставляя цичуню ни единой лазейки для дальнейших расспросов.

После этого они снова замолчали, и бодрствующая ночь вновь опустилась на них, тепло и безмятежно укутывая собой.

Е Эр перевернулся, уткнувшись лицом в одеяло и резко обрывая их необъяснимый ночной разговор.

— Ладно, уже довольно поздно. Давай отдыхать.

Тридцать минут спустя.

Е Эр откинул одеяло, ероша растрепанные волосы. Он безмолвно уставился на лежащего рядом цичуня, который тоже явно не спал.

— Тратить время впустую — не лучшая идея. Я пойду за лекарством.

Он приподнялся, включил прикроватную лампу, отбросил одеяло и встал с постели. Затем выдвинул ящик тумбочки.

Небольшое пространство было забито различными лекарствами. Е Эр просидел на корточках с минуту, наконец-то морально подготовившись к тому, чтобы достать снотворное.

У него всегда были проблемы со сном. В детстве его часто будили побоями посреди ночи, из-за чего его психика стала невероятно чувствительной и напряженной. В какой-то момент он вдруг осознал, что вообще больше не может спать.

Даже после того, как он вырвался из этой гнетущей обстановки, спокойный сон к нему так и не вернулся. Ему всегда приходилось мысленно настраивать себя перед каждым приемом снотворного, и спустя более чем десять лет это превратилось в привычку.

Он снова встал и налил две чашки горячей воды. Одну из них он протянул цичуню вместе с лекарством.

— Уже почти рассвело. Слава богу, сейчас выходные. Не нужно идти на работу.

Затем, вспомнив кое-о-чем, Е Эр нахмурился: — Но завтра днем у нас прием в новой больнице, так что нам нужно хорошенько выспаться.

— Можешь ли ты... — Си Цзэ проглотил таблетку, на его лице отразилась нерешительность. Он поджал губы и проглотил остаток фразы.

— Что? — Е Эр, уже собиравшийся лечь в постель, поднял на него глаза. — Говори.

Си Цзэ потер нос, по-видимому, сочтя свою просьбу неразумной. Он неуверенно понизил голос и произнес: — Можешь ли ты... обнять меня?

В воздухе внезапно повисла тишина, словно само время замерло. Он бессознательно затаил дыхание.

Беспорядочное биение сердца нарушило его восприятие времени. Это могли быть минуты, а может, всего несколько секунд.

— Если не можешь...

— Хорошо.

Е Эр задумался на мгновение, а затем с готовностью согласился.

Он не знал, почему цичунь обратился с такой просьбой, но после столь сильной боли, возможно, ему действительно нужны были объятия, чтобы спокойно уснуть.

Эти золотистые глаза, поначалу опущенные вниз, внезапно загорелись, услышав его ответ, точь-в-точь как у пса, с нетерпением ожидающего ласки.

Было очевидно, что перед ним безжалостный и хладнокровный зверь, подобный снежному барсу, но он каким-то образом усмирил свою глубинную агрессию. К тому времени, как Е Эр пришел в себя, от нее осталась лишь молчаливая покорность и мягкость.

Он протянул руку, погрузив пальцы в пушистые белые волосы цичуня, время от времени поглаживая их. Подушечки его пальцев иногда задевали мягкие уголки его глаз, оставляя слабый розоватый след.

Возможно, даже сам Си Цзэ не осознавал, что всякий раз, когда с ним так обращались, на его лице мелькало едва уловимое выражение страха и страстного желания. Это не бросалось в глаза, но Е Эр всегда это замечал.

Неглубокий порез, который только что был едва замечен, закровоточил возле уха цичуня. Е Эр прижал к нему кончик пальца. — Болит?

Си Цзэ отсутствующе посмотрел на него, а затем бессознательно потерся головой о ладонь Е Эра, издав приглушенное урчание, словно гепард, которому приятно от ласки.

Е Эр мягко улыбнулся, но его взгляд невольно скользнул к шее цичуня. Там, плотно обхватывая его нежное и чувствительное горло, сомкнулось холодное металлическое кольцо.

Эта штука...

После той ссоры они больше не поднимали эту тему. Но цичунь не мог просто так забыть о ней. Даже если он и сгладил свои острые углы, он ни за что не согласился бы сломать собственный хребет и склонить голову, став каким-то долбаным «рабом».

Как же, черт возьми, избавиться от этой штуки? Е Эр нахмурился, но лишь на мгновение потерялся в мыслях.

Сейчас главной задачей было успокоить цичуня.

Он моргнул, глядя немного растерянным, развел руки в стороны и сменил несколько поз. Ни одна из них не казалась правильной. — Эм... как мне тебя обнять?

Е Эр чувствовал себя насадкой из детской игры в орла и цыплят, с той лишь разницей, что вместо цыплят перед ним был могучий орел, способный проглотить его целиком в несколько укусов.

Ему удалось весьма успешно позабавить самого себя.

Но рука с выступающими костяшками пальцев схватила его за запястье, а затем последовал мощный рывок —

Застигнутый врасплох, Е Эр подался вперед, его колено приземлилось между раздвинутых ног цичуня, а лицо уткнулось в мягкую, гладкую плоть.

Он бессознательно сделал глубокий вдох, тут же наполняя легкие знакомым, сладким и нежным ароматом.

Такой... такой упругий, такой мягкий.

Его талию обхватили две сильные руки, а спереди исходило обжигающее тепло. Цичунь держал его так крепко, что он оказался полностью заперт в этих объятиях, не в силах вырваться.

Е Эр медленно моргнул, чувствуя, как Си Цзэ уткнулся лицом в его шею и сделал глубокий вдох, похожий на вздох.

Тело в его руках было не хрупким, а гибким и подтянутым, подобно живой, цепкой красной нефритовой лозе, готовой выпустить жизненный сок от малейшего изгиба.

Но Си Цзэ раз за разом ослаблял хватку, не желая причинять ему боль.

Мягкие серебристые волосы щекотали его щеку, жар чужого тела просачивался сквозь тонкую марлю бинтов и ткань, обжигая кожу. Тем временем заснеженная пустошь бесшумно начала таять.

Почувствовав искренность и серьезность этих объятий, Е Эр помедлил мгновение, прежде чем протянуть руку и погладить цичуня по плечу.

Его кончики пальцев скользнули по мягкой, тонкой ткани пижамы. Кожа под ней была перехвачена бинтами, что, впрочем, не скрывало мягких, плотных и красивых контуров мышц, а также четкой, слегка выступающей линии позвоночника.

Его пальцы мало-помалу скользили вниз, достигнув неглубоких впадинок на пояснице, где впадина его ладони удобно легла, прежде чем он естественным жестом сжал эту стройную талию.

«Действительно очень похожи на людей», — внезапно подумал Е Эр.

Его взгляд бессознательно переместился на спину цичуня, где сквозь ослабленный воротник смутно виднелись великолепные узоры насекомых меток.

А глубже, между лопатками, скрывались мягкие крыловые мешки, в которых прятались крылья.

Е Эр протянул руку, чтобы коснуться их. Текстура крылового мешка казалась очень необычной — тонкий и мягкий слой, одновременно хрупкий и чувствительный.

Си Цзэ едва не задрожал всем телом, но не отстранился. Напротив, он позволил кончикам пальцев Е Эра скользить туда-сюда, даже задевая крошечные, плотно сплетенные нервные окончания.

Костяные крылья цичуня были вырваны с корнем, поэтому внутри ничего не было. Они не могли внезапно раскрыться и захлопать, и без особой стимуляции он не мог наполовину трансформироваться в свою первоначальную форму насекомого и напугать его.

Эта жестокая правда неожиданно принесла ему небывалое чувство облегчения. Струна, до этого натянутая внутри него до предела, наконец-то расслабилась.

Е Эр закрыл глаза, перехватил поудобнее руки и полностью обнял цичуня.

Объятия перед сном действительно оказались мистическим, но эффективным методом. А может, просто подействовало снотворное. К тому времени, как Е Эр снова лег под одеяло, он был слишком сонным, чтобы держать глаза открытыми.

Буря за окном, казалось, постепенно утихла и больше не билась в стекло с треском и грохотом. В полной темноте и тепле клубилась и нарастала густая сонливость, словно нежный прилив, медленно поглощающий его.

Дыхание Е Эра стало глубоким и ровным.

В полубессознательном состоянии ему показалось, что он слышит тихий, слегка хрипловатый голос, доносящийся откуда-то сверху.

— Я еще не придумал, как рассказать об этих вещах... Дай мне немного времени, хорошо?

Растревоженный сквозь сон, он нахмурился и бессознательно перевернулся, чтобы полностью закрыть разделявшее их пространство.

Когда его руки внезапно оказались заполнены, Си Цзэ напрягся с головы до ног. Спустя долгое время он осторожно протянул руку и чуть-чуть подтянул одеяло повыше.

Е Эр удовлетворенно вздохнул.

Эта поза полностью окутывала его теплом. Дыхание, которое изначально щекотало его затылок, теперь касалось уха, сливаясь с приглушенным сердцебиением напротив, создавая интимность, балансирующую на грани дозволенного.

В нос ударил слабый запах крови, исходивший от Си Цзэ, смешанный с легкой, едва уловимой сладостью. Этот аромат, растворяясь в холодном, резком запахе снега и ветра, оказался неожиданно приятным.

Он тихонько хмыкнул, глубже зарываясь слегка озябшим лицом в мягкие, пушистые волосы и полностью погружаясь в тепло.

Обжигающая температура была невероятно уютной, хоть источник тепла и казался немного напряженным, из-за чего он не удержался, потерся об него головой и что-то неразборчиво пробормотал.

<http://bllate.org/book/17964/1736793>